

1

Урог Фрэнк

У меня четверо братьев. Представляете? Пятеро мальчишек обитают в одном доме, и все младше одиннадцати.

Летом, когда начинается дождь, наше жилье трещит по швам, ведь если каждый пригласит в гости хотя бы по паре друзей, то вместе с нами получится не меньше пятнадцати человек. При этом по крайней мере пятеро без передышки орут как сумасшедшие, а остальные то и дело бегают в туалет. Рычаг сливного бачка наши родители меняют раз в три месяца.

Однажды папа пришел домой.

Трое его сыновей и четверо незнакомцев, все в полной боевой раскраске,

раскачивались на занавесках в спальне. Обнаружив разграбленную мамину косметичку, папа сказал себе, что с этим надо что-то делать.

Он сдал наших союзников их родителям и сообщил нам, что с нынешнего дня никакие друзья в дом больше не допускаются. Тогда Марти, самый старший из нас, грозно поблескивая полосами туши на щеках, заявил, что так нечестно, что это получится наказание только для него одного, поскольку он самый общительный, а у Уилла лучший друг — Супермен...

Уилл — это я. И Супермена я действительно люблю.

Донни, Берт и ПП¹ тоже захныкали. Им-то хорошо, они младшие братья, а младшие братья как раз для того и существуют, чтоб хныкать. Я так понимаю, что теоретически мне тоже полагается статус младшего брата, но меня все относят к старшей половине семьи.

Один младший брат — уже достаточно плохо, а трое — слишком суровая кара для одного человека. Младшие братья никогда ни в чем не виноваты. Стоит Донни, Берту и ПП похлопать голубыми глазками да подрожать нижней губой, как им тут же все прощается. Уверен, если кто-нибудь из их троицы загонит мне в голову топор, он отделается жалкими десятью минутами без телевизора да заработает не слишком суровый взгляд. Наши младшие братцы — избалованные вонючки. Тут даже Марти со мной согласен.

— Это просто дурдом, — сказал папа.

— А он главный псих, — сказал я, указывая на Марти.

¹ ПП — от слова «полпинты» (пинта — единица объема, равная кружке пива). Прозвище отсылает к невысокому росту героя, у нас его называли бы Коротышкой.

— С кукловодами не разговариваю, — сказал Марти.

Это был удар ниже пояса.

— Супермен не кукла!

— Цыц! — рывкнул папа и задумчиво присвистнул сквозь зубы. — Надо бы подыскать вам занятие на каникулы. Чтобы убрать вас вон из дому.

— Только не моих крошек, — запричитала мама, прижимая к себе банду младшеньких.

Те, понятно, исполнили ей полную программу: большие детские глаза, щербатые улыбки, а ПП даже палец сосать принялся. По-моему, парень вообще стыда не ведает.

— Ну, может, этих троих и не обязательно. Но Уиллу и Марти уже девять и десять соответственно. Их непременно нужно чем-нибудь занять. Чем-нибудь познавательным.

Мы с Марти дружно застонали. Нет ничего хуже познавательного времяпрепровождения. Это же все равно, что школа во время каникул!

— Помните последнее познавательное занятие? — Марти совершил попытку нас спасти. — Уроки рисования? Я несколько дней болел.

— Сам виноват, — сказала мама.

— Я же только водички глотнул.

— Воду, в которой все нормальные люди моют кисточки, пить не полагается.

Тем временем папа все раздумывал-раздумывал и наконец выдал:

— Как насчет библиотеки?

— А что? — Я постарался напустить на себя как можно более беззаботный вид, но под ложечкой у меня засосало.

— Вас обоих можно записать в библиотеку. Чтение — это же великолепно! У вас не останется времени на пакости. Все уйдет на чтение книг.

— И познавательно, — добавила мама.

— Чем это познавательно? — Я похолодел от ужаса. — По-вашему, лучше сидеть взаперти и читать про лошадей, а не кататься на них на свежем воздухе?

— Видишь ли, Уилл, — мама взъерошила мне волосы, — порой можно прокатиться только на той лошади, которая у тебя в голове.

Понятия не имею, что она хотела этим сказать.

— Не заставляйте нас записываться в эту библиотеку, — взмолился Марти. — Там слишком опасно.

— Опасно? Что может быть опасного в библиотеке? — удивился папа.

— В этой библиотеке, — мой старший брат перешел на шепот, — водится Библиотекарша.

— Миссис Мёрфи? — изумилась мама. — Милейшая старушка.

Как ни печально, но взрослые знают лишь специальную правду для взрослых. Настоящая правда известна только детям. И уж если кто вышел из детского возраста, он никогда не станет вести себя с нами на равных, поскольку не воспринимает всерьез ни единого нашего слова.

Каждый ребенок в нашем городе знает про миссис Мёрфи. Она относится к тем людям, которым мы, дети, стараемся ни в коем случае не попадаться на глаза. Ну, вроде мисс Уайт, учительницы с дурным глазом, или старого бродяги Неда Сойера с его слюнявой псиной.

— Она не милая старушка, — заявил я. — Она совершенно психованная.

— Уилл! Нельзя говорить такие гадости.

— Но это правда, мам. Она ненавидит детей, а еще она служила в разведке. Выслеживала детей из вражеских стран.

— Это уже совсем смешно.

— У нее под столом картофелебойное ружье, — добавил Марти. — Пневматическое, а ствол калибром в целую картофелину. Она стреляет из него в детей, если они шумят в библиотеке. Поэтому мы зовем ее Мёрфи-Картошка.

Мама совсем развеселилась.

— Картофелебойное ружье! Чего только не придумают, лишь бы не читать.

— Это правда! — возмутился мой брат. — Видели Урода Фрэнка из сорок седьмой?

Мама попыталась изобразить суровый взгляд:

— Не следует называть бедного Фрэнка уродом.

— А знаешь, как он стал таким? Мёрфи влепила по нему из своего ружья!

Мама замахала руками, словно отгоняя назойливых воробьев.

— Довольно, я больше не хочу ничего слушать. После обеда вы двое отправляетесь в библиотеку, и точка. Я вам сделаю бутерброды.

Мы мрачно застыли посреди кухни. Представляете: с бутербродами против Мёрфи-Картошки и ее ужасного пневматического картофелебойного ружья!

2

На ковре

Разумеется, наши младшие братья едва не лопнули от смеха.

— Приятно было пообщаться, — произнес Донни, церемонно пожимая мне руку.

— Ага, — поддакнул ПП. Он шепелявил из-за дырки на месте переднего зуба: — Пьяяфно быво пообффяфя.

Всего-то пять лет — и уже такой наглец.

— Можно я заберу себе твой плеер? — поинтересовался Берт, который успел натянуть мои наушники.

Я стукнул его Суперменом.

— Слышишь, мам? Они нас уже дразнят.

— Они же не имеют в виду ничего плохого, — пропела мама. — Правда, малыши?

— Да, мамочка.

Мама выдала им по мармеладной куколке. Я думал, у меня голова лопнет от такой несправедливости.

— А теперь, Марти и Уилл, ступайте наверх и смойте остатки помады. Через десять минут выходим.

Путь к отступлению был отрезан. Мы, конечно, принялись ныть и умолять и даже сумели продержаться десять лишних минут, но мама осталась непреклонна.

— Библиотека пойдет вам на пользу, — сказала она, крепко пристегивая нас на заднем сиденье машины. — Может, даже чему-нибудь научитесь.

Отъезжая, мы бросили прощальный взгляд на наш дом. Донни скакал по подоконнику в спальне, разыгрывая специально для нас небольшой спектакль.

Он накарябал у себя на футболке слово «Картошка» и строил рожи стоявшей на оконном карнизе маленькой фигурке. У меня аж сердце подпрыгнуло. Это был Супермен. Донни кривлялся все более яростно, пока не ухватил мою несчастную игрушку за ноги и не принялся дубасить ею по карнизу.

— Нет, — пискнул я. — Останови машину! Донни убивает Супермена!

Мама рассмеялась.

